

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

КОЛЬЦО ДЛЯ ОДНОЙ
поцелуй для другой

18+

Александра Ветрова

**Кольцо для одной,
поцелуй для другой**

«Автор»

2026

Ветрова А.

Кольцо для одной, поцелуй для другой / А. Ветрова — «Автор», 2026

Они называли нас идеальной парой. Я верила в это шесть лет. Пока моя лучшая подруга не прислала мне видео с корпоратива. На нём мой муж целует не меня. Не одну. Не двух. Откровенный, чувственный и беспощадный роман о том, как разбить фарфоровый брак и собрать себя заново. Из осколков. Из лжи. Из права быть неудобной. + Бонус от автора - 5 ОЧЕНЬ ГОРЯЧИХ ИСТОРИЙ ПРО ИЗМЕНУ. Книга содержит сцены откровенного сексуального характера и психологически сложные ситуации. Рекомендуется совершеннолетним читателям.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Ветрова

Кольцо для одной, поцелуй для другой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТРЕЩИНА ПО ФАРФОРУ

Глава 1. Идеальный вечер

Я узнала, что мой муж — грёбанный цирк на троих, в среду, в двадцать две минуты одиннадцатого.

За сорок две минуты до этого я выбирала сыр к его синему «Мутон-Ротшильд». Потому что у нас идеальный брак, а в идеальном браке жена знает, что муж не выносит камамбер с белой плесенью. Разве что с трюфелем. Но трюфельный — это по вторникам. По средам — только твердый, выдержанный «Мимолет», который режется тонкими ломтиками и пахнет орехами и моим смирением.

— Лен, ты только посмотри, — голос Алисы в трубке звенел тем самым предсмертным весельем, которое бывает у женщин за секунду до того, как они роняют бомбу. — Я случайно скинула. Не открывай, если ты не одна.

Я стояла босиком на холодном граните кухонной столешницы. Потому что в идеальном браке жена может позволить себе мелкое безумие. Например, доставать бокалы для красного вина с верхней полки, не пользуясь стремянкой.

— Я всегда одна, — ответила я и поняла, что это прозвучало как шутка.

Оно и было шуткой. До двадцати двух минут одиннадцатого.

Видео загружалось три секунды. Я успела представить: шутку с корпоратива, пьяного Артура в женском платье, дурацкий танец бухгалтерии. Мы же смеялись над этим на прошлой неделе. Он вернулся в час ночи, пахнувший виски и карамелью, поцеловал меня в висок — сухо, коротко, по графику — и сказал, что «Петров опять напился и рассказывал анекдоты про тёщу».

Артур никогда не шутит про тёщу. Мою мать он ненавидит так сильно, что это почти благородно.

Экран моргнул. И на нём — мой муж.

Нет. Не так.

На нём — **мужчина**, которого я кормлю сыром «Мимолет» по средам, покупаю рубашки с запонками ручной работы, доверяю свою бессонницу и запах своих волос на подушке. Стоит в углу банкетного зала. Галстук развязан, воротник расстёгнут, ладонь лежит на женской талии. Её лицо скрыто волосами — длинными, рыжими, чужими. У меня каштановые.

Та, первая, откидывает голову, и я вижу ее рот. Открытый. Получающий его поцелуй.

Они целуются так, словно никто не смотрит. Словно меня нет не только в этом зале, но и в принципе. Словно я — декорация, которую можно не включать в смету.

Артур отстраняется первым. Улыбается. Эту улыбку я знаю. Он дарил ее мне на нашей свадьбе, когда кольцо скользнуло по моему пальцу слишком легко, а он сказал: «Теперь ты моя». Я тогда глупо хихикнула и подумала, что это о любви.

Это было о собственности.

Ролик длился пятнадцать секунд. В нем он целует её — пять секунд. Проводит большим пальцем по её подбородку — три. Переводит взгляд на кого-то за кадром — две. И ухмыляется.

Ухмылка — пять секунд вечности.

Потом видео обрывается.

Я жду, что Алиса напишет: «Прости, это не то». Или: «Это старая запись». Или: «Это не Артур, просто похож».

— Лен? — её голос из динамика звучит как нож, которым вскрывают консервы. Остро, грубо, без изыска. — Ты смотрела?

Я смотрю на свои пальцы. На левом — кольцо. Платина. Три бриллианта. Я выбирала их сама, потому что Артуру было все равно. Он только спросил: «Сколько?» и достал карту.

— Он там не один, да? — мой голос звучит ровно. До жути ровно. Как если бы я спрашивала о погоде на завтра.

Алиса молчит. Это длится дольше, чем пятнадцать секунд. За это время я успеваю подсчитать: шесть лет брака, две ипотеки, одна собака (спит в прихожей), двадцать три совместных отпуска, бесчисленное количество раз, когда я поправляла его галстук перед важной встречей.

— Лен, там... их несколько.

Четыре слова. И мир не рухнул. Странно. Пол под ногами не провалился, стены не посыпались штукатуркой, бокал так и остался в моей руке — тяжёлый, хрустальный, слишком дорогой для того, чтобы его разбить.

Я ставлю его на столешницу. Аккуратно. Как учила мать: «Дорогие вещи, Оленька, не терпят суеты».

Я — Оленька. Мне тридцать два. И мой муж, преуспевающий владелец сети кофеен, который каждое утро оставляет на тумбочке стакан воды для моих таблеток от мигрени, на корпоративе целовал не одну, не двух...

— Скинь все, что есть, — говорю я. — Каждое видео, каждый скриншот, каждое «случайно» отправленное сообщение. Мне нужно знать все.

— Ты в порядке? — голос у Алисы сейчас такой, каким говорят с больными. Жалобно-осторожный.

— Я в порядке, — ложь выходит такой же ровной, как и правда. — Мне просто нужно составить список.

Список чего? Годов, которые он мне изменял? Аргументов для развода? Улик для суда? Или?

Или просто список вещей, в которых я ошиблась.

В трубке щелчок. Алиса сбрасывает. Через минуту приходит три видео, семь фото и одна аудиозапись. Я не открываю. Сначала мою руки. Потом наливаю себе вино — уже не в тот бокал, в обычный, низкий, без претензий. Потом сажусь на пол кухни, спиной к холодильнику, и открываю первое.

На первом — Артур и брюнетка. У стойки бара. Она сидит на высоком стуле, он стоит между её ног. Его ладонь на её бедре — выше того места, где кончается платье. Моя рука помнит это движение. Он делает так, когда хочет трахнуть здесь и сейчас. Игнорируя кровати, приличное общество, чувство стыда.

На втором — блондинка. В подсобке. Полусидит на коробках, юбка задрана, он прикусывает её шею. У меня там, под ухом, есть особенное место. Когда он касается его губами, я забываю дышать. Теперь это место — легальное. Для всех.

Третье видео — групповое. Там, кроме Артура, три девицы. И одна из них — моя подруга?

Нет. С ней я не знакома. Но она умеет делать минет так, чтобы мужчина закрывал глаза и запрокидывал голову. Артур на этом видео запрокидывает. Я видела это выражение лица один раз. На медовом месяце, в отеле на Мальдивах, когда я сползла с него после третьего раза, и он выдохнул: «Господи, Лена».

Тогда я подумала — от счастья.

Сейчас я думаю — от сравнения.

Четвёртый файл не открывается. Формат сломан. Или интернет ловит плохо. Или Вселенная решила дать мне ещё минуту анестезии.

Звонок от Артура. Его лицо на экране — наши совместные фото в профиле. Я на его плече, он смеётся. Фотография сделана год назад, в Праге, у Карлова моста. На мне дурацкий венок из живых цветов, купленный за пять евро у цыганки. Артур тогда сказал: «Если бы знал, что ты такая лёгкая, женился бы раньше».

Я принимаю вызов.

— Привет, — его голос обычный. Игривый, чуть уставший, чуть бархатный. — Ты спишь?

— Нет.

— Я задержусь. Там эти дурацкие отчёты... Короче, не жди. Поцелую завтра.

Ни одного слова правды. Ни одного. Даже интонация — фальшивка. Я не знала. Я так долго жила с этим голосом, с этим человеком, что перестала слышать фальшь. Как соседи по коммуналке перестают замечать запах канализации.

— Хорошо, — говорю я.

Он молчит секунду. Потом:

— Ты какая-то странная.

Обычно в этом месте я должна была спросить: «Что случилось?», «Ты устал?», «Привезти тебе ужин в офис?». Я не спрашиваю. Во-первых, потому что знаю, где он на самом деле. Во-вторых, потому что внутри меня что-то щёлкнуло. Как выключатель.

— Просто устала.

— Ложись спать, Лен. И не вздумай смотреть сериал до трёх ночи.

Он вешает трубку. Не попрощавшись. Всегда так. Артур не верит в «пока». Артур верит в то, что все должно быть под его контролем. Включая время моего сна.

Я сижу на полу ещё час. Выпиваю вино. Захожу в интернет-банк. Смотрю на наши счета. На мои — двадцать три тысячи на карте для покупок. На его — не вижу, нет доступа. Но я знаю, где хранятся документы на квартиры, на гараж, на акции сети. Я знаю код от его сейфа. Знаю пароль от почты. Знаю дату рождения его любовницы? Пока нет. Но узнаю.

Организм не выключает боль. Где-то под рёбрами — тупая, мокрая тяжесть. Я роняю телефон на плитку. Он не разбивается. Ударопрочный стеклянный чехол — мой подарок Артуру на прошлое Рождество. Функциональный, практичный, скучный. Как я.

Рыданий нет. Я пытаюсь выдавить хоть одну слезу — чтобы подтверждение, что я вообще живая. Ноль. Сухо. Только подкатывает тошнота, когда прокручиваю в голове ту самую ухмылку — после поцелуя.

Значит, так. Месяц.

Ровно столько нужно, чтобы подготовить документы, найти адвоката, перевести деньги на свой счёт, забрать собаку и не сдохнуть от желания швырнуть в его грёбаное лицо эту ухмылку — вместе с кольцом.

Кольцо пока остается на левой.

А поцелуй — на правой, на фотографии с корпоратива, где он целует не меня.

Поднимаюсь. Иду в спальню. Смотрю на нашу кровать — огромную, с итальянским бельём, на которой он трахал меня две ночи назад. Тогда мне показалось, что он был особенно нежен. Сейчас понимаю: он был особенно виноват.

Ложусь на свою сторону. Вдыхаю запах его подушки — терпкий, с нотами табака и дорогого одеколона. Нюхаю, как наркоман последнюю дозу, потому что завтра я начну ненавидеть этот запах физически. Но сегодня — он мой. Сегодня я ещё люблю это чудовище.

И плевать, какой идиоткой меня назовут за это психологи.

Я выключаю свет и говорю в темноту то, что никогда никому не скажу вслух:

— Прощай, Артур.

Он не слышит. Он в это время, наверное, расстёгивает чужое белье.

Но через месяц он услышит.

И это будет не шёпот.

Глава 2. Женщина с папкой

Просыпаюсь в пять утра.

Не от кошмара. Не от будильника. От внутреннего толчка, словно кто-то ткнул пальцем прямо в солнечное сплетение и сказал: вставай. Твоя жизнь — труп. Пора оформлять свидетельство о смерти.

Поворачиваю голову. Подушка Артура пуста. Он не пришел. Ни в час, ни в два, ни в четыре. Хорошо. Потому что если бы он явился под утро, пахнувший чужим сексом и ложью, я бы не выдержала свой же сценарий.

Я бы убила его кухонным ножом. Медленно. Начиная с того места, которым он туда лез.

Но его нет. И это — первая милость судьбы за последние шесть лет.

Встаю. Иду в душ. Вода горячая — почти кипятки. Кожа краснеет, но я чувствую только пустоту. Моюсь тщательно. Каждую складку. Каждый сантиметр, к которому он прикасался в прошлый раз — там, где думала, что это любовь. Дура.

Выключаю воду. Смотрю на себя в зеркало. Глаза — серые, с желтоватыми белками. Не плакала, а выглядят так, будто прошла войну. Лицо бледное, губы потрескались. Я не пила воду со вчерашнего утра. Только вино.

— Красавица, — голос хриплый. Говорю себе, как на исповеди. — У тебя месяц, чтобы выжать из этого брака всё. Ты поняла?

Зеркало молчит. Оно умнее меня.

На кухне — новый день. Запах кофе, который я варю себе сама. Артур не пьет кофе по утрам. Артур пьет смузи, который готовит ему любовница? Или одна из трёх? Интересно, у них есть график? Вторник — брюнетка, четверг — блондинка, суббота — рыжая? А где моё место в этом расписании?

Ах да. У меня — понедельник. День тяжёлый, но надо же с кем-то начинать неделю.

Варю кофе. Тёмный обжарки, с горчинкой — такую, чтобы язык свело. Добавляю сливки. Смотрю в окно.

Наша квартира на двенадцатом этаже. Вид на город — деловой центр, стекло и бетон, люди-муравьи внизу. Ни одного дерева. Артур говорил: «Вид на деньги, Лена. Остальное — для нищих».

Мне всегда казалось, что деньги не пахнут. Оказывается, пахнут. Чужими духами на воротнике. Молчанием в ответ на «я люблю тебя». И этим вот утром — пустотой без единого звука.

Звонок в дверь. Восемь тридцать.

Собака — наш корги по кличке Баки — срывается с места и летит к двери, звонко тявкая. Баки любит всех. Даже тех, кто не заслуживает любви. Я бы сказала, что он похож на меня, но это слишком унижительно даже для меня.

Открываю.

На пороге — женщина. Лет сорока, короткая стрижка, очки в тонкой оправе, строгий серый костюм. В руках — кожаная папка. Пахнет от неё дорогой туалетной водой и отсутствием сантиментов.

— Лена Сергеевна? — её голос сухой, как судебная повестка.

— Допустим.

— Меня зовут Вера Николаевна. Я адвокат. Алиса попросила меня приехать.

Алиса. Конечно. Подруга, которая знает меня двадцать лет и которая вчера вечером скинула мне видео, прекрасно понимала, что я не стану рыдать в подушку. Я стану планировать.

— Проходите, — отступаю в сторону. — Только тихо. Собака не кусается. Муж, к сожалению, тоже, но он сейчас не придёт. Он занят.

Последнее слово я выплёвываю, как рыбью кость.

Вера Николаевна проходит на кухню. Оглядывает интерьер — дорого, безлико, идеально. Садится на стул, раскрывает папку. Я ставлю перед ней чашку кофе. Она не пьет. Только смотрит на меня поверх очков.

— Алиса рассказала мне вчера. Я подготовила базовый план. Но прежде чем мы начнём, я задам один вопрос. Безответный. Просто для того, чтобы я понимала, с кем имею дело.

Я киваю.

— Вы готовы уничтожить своего мужа? Не развестись. Не получить алименты. А именно уничтожить — финансово, репутационно, лично? Потому что если нет — я уйду. Такие дела я веду только с женщинами, у которых горит не только бытовая техника.

Молчу. Смотрю на свои руки. Кольцо блестит. Бриллианты — три штуки, по карату каждый. Символ того, как мало он вложил в этот брак по сравнению с тем, сколько вынул.

Снимаю кольцо. Кладу на стол между нами. Оно катится, оставляя на дереве тонкую царапину.

— Я готова смотреть, как он умоляет, — говорю. — А потом смотреть, как он ползёт в нищету. И если вы спросите, доставит ли мне это удовольствие — да. Не женское, не материнское, не христианское. А звериное. То, которое просыпается, когда выясняешь, что спала рядом с мертвечиной.

Вера Николаевна кивает. Один раз. Жёсткий, короткий кивок — словно ставит печать.

— Тогда начнём.

Следующие два часа я перестаю быть женщиной. Я становлюсь архивом, базой данных, следственным отделом. Адвокат задаёт вопросы:

— Где хранятся документы на недвижимость?

В сейфе. Код — мой день рождения. Он не менял его шесть лет. Потому что я — удобный человек. Даже код от денег — моё лицо.

— У вас есть доступ к его бизнес-счетам?

Нет. Но я знаю, где лежат ключи от его рабочего кабинета. И знаю, что он не меняет пароли. Пароль от почты — имя его первой собаки. Пароль от телефона — дата нашей свадьбы.

Вера Николаевна поднимает бровь. Единственное проявление эмоции за два часа.

— Это неосторожно.

— Это удобно. Ему никогда не приходило в голову, что я могу его предать. Потому что предательство — это его монополия.

Записываю. Каждое слово. Каждый адрес. Каждый счёт, о котором я знаю. Вера Николаевна подсказывает: какие бумаги нужны в первую очередь, куда подавать заявление, какие формулировки использовать, чтобы через месяц суд заморозил его активы до окончания бракоразводного процесса.

— Главное, чтобы он не узнал раньше времени, — она закрывает папку. — Ваша задача — играть идеальную жену. Секс, улыбки, завтраки. Вы должны стать настолько удобной, чтобы он не заподозрил ничего.

— А если он заподозрит?

— Тогда он начнёт прятать деньги. У него есть на это месяц. У вас — тоже месяц. Играем на скорость. Вы быстрее?

Вспоминаю его ухмылку. Как он целует другую — медленно, собственнически, без свидетелей? Нет, свидетели есть. Целый зал. И ему все равно.

— Я буду быстрее, — говорю. — Он слишком уверен, что я никуда не денусь.

— Откуда такая уверенность?

Я смотрю на пустой дверной проем. Там, в прихожей, висит его пальто. Тёмно-синее, кашемировое, стоимостью как моя зарплата за полгода. В кармане — чек из ювелирного салона. Вчера нашла. Подумала: «Наверное, купил мне подарок». Знаете, такой наивный, сосущий под ложечкой оптимизм.

— Потому что я шесть лет доказывала, что меня некуда девать.

Вера Николаевна встаёт. Протягивает руку. Не для поцелуя, не для утешения — для рукопожатия. Делового. Мужского.

— Через неделю принесу проект соглашения. Никому не звоните, не пишите, не плачьте в подушку при нем. Если вам станет невмоготу — звоните мне. Я не обнимаю, но говорю по делу.

— Лучшая поддержка, которую я получала за долгое время, — усмехаюсь. Горько, сухо, без надежды.

Она уходит. Баки грустит у двери — гости уходят редко. Я глажу его по тёплой рыжей голове. Шерсть пахнет солнечным светом и чистотой. Артур не выгуливает собаку. Артур вообще мало что делает сам.

Кроме женщин. Женщин он делает много и часто.

Достаю телефон. Открываю вчерашние сообщения от Алисы. Семь фото, три видео, одна аудиозапись.

Нажимаю на аудио.

Сначала шум зала. Потом голос — женский, пьяный, счастливый. Та самая брюнетка? Или блондинка? Я ещё не научилась различать их по голосам.

— Артур, скажи, ты ее любишь? Твою жену?

Пауза. Слышно, как он смеётся. Низко, расслабленно. В этом смехе нет ни грамма вины.

— Кого? Ленку? — его голос звучит так, будто речь о пылесосе. Функциональная вещь.

— Ленка — это база. А вы — десерт. Кто отказывается от десерта?

Женский хохот. Звон бокалов. Чей-то шёпот: «Какая же она база, если она даже не знает?».

Новый смех Артура. Громче. Свободнее.

— В том и прелесть. Умный мужик держит базу в неведении. Тогда десерт — всегда праздник.

Запись обрывается.

Я сжимаю телефон так, что хрустит чехол. Не пальцы — внутренности. Там, где вчера была тупая боль, сегодня — раскалённая арматура. Жёсткая, горячая, готовая проткнуть собственное сердце.

База.

Он назвал меня базой.

Шесть лет. Две ипотеки. Собака. Сыры по средам. Секс по понедельникам. Улыбки для его партнёров. Рождественские ужины для его матери, которая ненавидит меня с первого дня.

И все это — база.

Я беру телефон. Открываю приложение заметок. Пишу заголовок: «План уничтожения мужа».

Подзаголовок: «Месяц. 30 дней. Или 29?»

И первый пункт:

Узнать имена всех, кого он трахал за моей спиной. Не из ревности. Из расчёта. Каждая — потенциальный свидетель.

Второй пункт пишу дрожащей рукой:
Перестать целовать его в губы. Но так, чтобы он не заметил разницы.
Смотрю на кольцо. Оно все ещё лежит на столе. Три бриллианта — три года счастья?
Или три года лжи?
Надеваю обратно. На левую руку, как кандалы.
До звонка Артура осталось три часа. Он позвонит в двенадцать, скажет, что «засиделся на переговорах», спросит, что я делаю.
Я скажу: «Скучаю, милый».
И это будет правда.
Но только если скучать по тому мужчине, за которого вышла замуж. Не по тому, который вернётся домой с чужим вкусом на губах.
Встаю. Иду в ванную. Смотрю в зеркало. Сегодня у меня другое выражение лица. Не тупая боль. Не усталость.
Расчет.
Артур, ты хотел, чтобы твоя жена была удобной? Хорошо.
Сейчас я буду удобной.
Настолько удобной, что ты сам застегнёшь себе наручники.

Глава 3. Ужин, который мы заслужили

Он появляется в десять вечера.
Я слышу, как ключ поворачивается в замке. Секунда — и входная дверь открывается. Баки с радостным визгом несётся к Артуру. Я тоже должна бежать. Так принято. В идеальном браке жена встречает мужа у порога, улыбается, целует в щеку, забирает портфель.
Но сегодня я занята.
Стою у плиты. Жарю лосося. Тот самый рецепт, который он обожает. Лимон, розмарин, белое вино. Артур говорил, что от этого блюда у него «текут слюнки». Интересно, у скольких женщин текли слюнки, когда он рассказывал им про мою стряпню.
— Лен? — его голос из прихожей. Настороженный. Хорошо. Пусть чувствует себя неуютно. Хотя бы подсознательно. — Ты чего не встречаешь?
— Отхожу от сковороды, — отвечаю максимально мягко. — Рыба просит внимания.
Захожу в гостиную. Он стоит возле вешалки. Пиджак на плече, рукава рубашки закатаны. Загар с Мальдив уже сошёл, но осталась какая-то южная смуглость. Тёмные волосы, тёмные глаза, линия челюсти, которую я рисовала пальцем сотню раз.
Красивый. Господи, до чего же красивый гад.
— Привет, — подхожу. Останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки. Ниже — живот. Чувствую, как подкатывает тошнота. Знание — тяжёлая штука. Оно делает шаги медленнее, дыхание глубже, а любовь — отвратительной.
Он тянется ко мне. Пальцы — на талию. Притягивает ближе. Его дыхание пахнет мятой и чем-то сладким. Слишком сладким. Не вино. Не кофе.
Жевательная резинка. Он жуёт резинку после секса. Я знаю. Потому что когда мы были молоды, он всегда доставал из кармана «Орбит» после того, как мы занимались любовью в машине на заднем сиденье.
Сейчас он жуёт «Орбит» после того, как трахал кого-то другого.
— Выглядишь отлично, — говорит, глядя в глаза. Его взгляд скользит по моему лицу, ищет подвох. Я вижу. Я знаю каждую микро-мимику. Левое веко чуть дёргается, когда он волнуется. Вот прямо сейчас — дёрнулось.
— А ты усталый, — отвечаю и провожу ладонью по его щеке. Так нежно, что самой тошно. — Иди в душ. Ужин через пятнадцать минут.

Он молчит, вглядывается. Потом улыбается. Кривой, самоуверенной улыбкой. Та, которая раньше сводила меня с ума. Теперь хочется сбить её тыльной стороной ладони.

— Соскучилась? — спрашивает и наклоняется для поцелуя.

У меня полсекунды на решение. Если отведу голову — заметит. Если поцелую — до конца жизни будет помнить, что я его поцеловала второй после того, как...

Целую.

Сухо. В самый уголок губ. Так, как целуют родственников. Так, как я целую свекровь, которую ненавижу.

Но Артур, кажется, не замечает разницы. Или замечает, но списывает на усталость. Кивает, разворачивается и уходит в спальню. Через минуту слышу шум воды. Душ. Он моет с себя чужую бабу.

А я иду на кухню. Переворачиваю лосося. Руки трясутся. Не от нервов. От бешенства.

База. Я — база.

Смотрю на телефон. Заметка все ещё открыта. Пункт третий: «Не вступать в конфликты. Улыбаться. Готовить его любимые блюда».

Пункт четвёртый: «Завести дневник всего, что вижу и слышу. Всё пойдёт в дело».

Артур выходит через двадцать минут. Мокрые волосы, запах моего геля для душа. Халат — мой подарок на прошлый Новый год. Тёмно-синий, шелковый. На спине вышиты инициалы. A.V. Его гребаный эгоизм, вышитый золотом.

Садится за стол. Я ставлю тарелку. Лосось, рис с овощами, соус. Вино в бокалах — красное, сухое. Артур берет бокал и делает глоток. Изучает меня через стекло.

— Ты какая-то... тихая сегодня.

— Сосредоточенная, — поправляю. Сажусь напротив. Отрезаю кусочек рыбы. Жую. Она не лезет в горло. Комок где-то у грудины. — Думала о нашем отпуске.

— О каком? — он смотрит в тарелку. Интересно, он вообще видит, что я приготовила? Или для него это просто еда, которую подаёт обслуживающий персонал.

— О летнем. Ты говорил про Италию. Помнишь?

Вру. Он не говорил. Он вообще не говорит про отпуск. Летом у него «слишком много проектов». Летом я езжу одна. В прошлом году — в Португалию. Одна. С Баки. В позапрошлом — в Грецию. Тоже одна. Он прилетал на три дня и первые два проработал по ноутбуку.

— Да, Италия, — кивает, словно вспоминает то, чего не было. — Подумаем.

Подумаем. Классика. «Подумаем» в переводе с Артурова означает «отмажемся потом».

— Я нашла агентство, которое организует виллу на озере Комо, — продолжаю врать. Красиво, спокойно, с подробностями. — Там можно с собакой. И есть прислуга. Ты сможешь работать.

— Звучит как план, — он поднимает бокал. — За Италию.

Чокаюсь. Звон стекла звучит как фальшивая нота. Пью. Вино обжигает горло. Хорошо. Пусть жжёт. Пусть напоминает, что я не сплю.

Мы едим в тишине. Он смотрит в телефон — читает сообщения. Ухмыляется чему-то. Я знаю, что это сообщения не от партнёров. Взгляд слишком... мокрый. С постельным отливом.

— Кто пишет? — спрашиваю, даже не надеясь на правду.

— Петров. Опять свои анекдоты про тещу.

Ложь. Наглая, жирная, с икрой. Петров не пишет анекдоты в десять вечера. Петров спит с девяти, потому что у него гастрит и молодая жена-студентка.

— Передавай привет, — говорю, и кусочек лосося превращается в пепел во рту.

После ужина он идёт в кабинет. Закрывает дверь. Я слышу приглушённый голос — звонит кому-то. Говорит тихо, но интонация... та самая. Низкая, ласковая, собственническая. С такой он разговаривал со мной в первые годы. С такой разговаривают с любовницами. Или с одной из любовниц.

Мою посуду. Вытираю руки. Иду в кабинет — без стука. Он вздрагивает. Быстро сбрасывает звонок.

— Дорогая, я занят.

— Я знаю, — сажусь на диван в углу кабинета. Скрещиваю ноги. Поправляю платье — шелковое, тёмно-вишневое, декольте. То самое, которое он просил меня надевать «для особых случаев». — Просто хочу побыть рядом. Мне не хватает тебя.

Глаза у него округляются. На секунду.

Секунда — это много. За эту секунду я вижу панику. Он проверяет, не слышала ли я разговор. Потом — облегчение. Нет, не слышала. Потом — смущение? Или стыд?

Стыда нет. Артур не способен на стыд.

— Ладно, — убирает телефон в ящик стола. Жест быстрый, нервный. — Сиди. Я скоро.

Через минуту он выключает ноутбук. Подходит ко мне. Садится рядом, слишком близко. Его бедро касается моего. Жар — через ткань платья. Я не должна хотеть его. Я не хочу его. Но тело — предатель. Соски твердеют. Дыхание сбивается.

Черт.

— Ты красивая сегодня, — шепчет, приближаясь к шее. Дышит на то самое место — под ухом. — Невероятно красивая.

Раньше от этих слов я таяла. Сейчас они звучат как инструкция. Он говорит это каждой. Каждой, с кем изменяет. Разница только в том, что мне он говорит это дома. После того, как трахнул другую. И перед тем, как трахнуть меня.

— Артур, — мой голос — шёпот. Не от возбуждения. От тошноты. — Иди спать. Ты устал.

— Я не устал, — его рука ложится мне на колено. Пальцы — выше, под подол. — А ты? Останавливаю его запястье. Нежно. Так, чтобы не спровоцировать.

— У меня голова болит. Мигрень.

— Выпей таблетку.

— Выпила. Не помогает. Давай завтра? Завтра я полностью твоя.

Ложь на лжи. Завтра тоже будет болеть голова. И послезавтра. И через неделю. Пока я не уйду. Пока не соберу доказательства. Пока не выжгу своё тело от его прикосновений.

Но сейчас — я держу улыбку. Ровную, спокойную. Такую, какую хотят видеть.

Он вздыхает. Раздражённо. Убирает руку.

— Ладно. Но завтра ты моя. Всю ночь.

— Конечно, милый, — говорю, встаю, целую его в макушку. — Иди, я приду через пять минут.

Он уходит в спальню. Я остаюсь в кабинете. Жду, пока затихнут шаги. Потом открываю ящик стола.

Телефон там. Его телефон. Запасной. Тот, который он носит на деловые встречи. Но сегодня он им не пользовался. Сегодня он говорил с основного.

Я давно знаю код. Знала, но никогда не проверяла. Потому что доверяла. Потому что была душой.

Ввожу.

Телефон разблокируется.

И там — целая вселенная.

Сообщения. Шесть чатов с пометкой «не беспокоить». У каждого — женское имя. Смайлики. Фотографии. Голосовые. Я не открываю. Сейчас не время. Мне нужны не подробности. Мне нужно доказательство того, что он скрывает доходы.

Но это завтра.

Сегодня я просто смотрю на список. Шесть имён. Шесть женщин. Я знаю двух — наши общие знакомые. Одна — его секретарша. Остальные — пустые имена.

Аккуратно закрываю телефон. Кладу на место.

Выхожу из кабинета. Иду в спальню. Ложусь на свою половину кровати.

Артур уже спит. Или притворяется. Спина ко мне. Дыхание ровное.

Смотрю на его затылок. Тёмные волосы, подушка, чужой запах, который он смыл, но не до конца.

Знаешь, Артур, у базы есть одно преимущество.

База знает, где лежат ключи от всех дверей.

Я закрываю глаза. Завтра начну копать. Глубоко. До тех пор, пока не докопаюсь до скелетов.

А сегодня — просто ночь. Одна из тридцати.

Глава 4. Тактика маленьких шагов

День третий.

Я просыпаюсь раньше Артура на два часа. Это уже не бессонница. Это тщательное планирование. Будильник на пять утра, и пока муж храпит на своей половине, я делаю то, что он никогда не заметит:

Сначала — его телефон. Основной. Лежит на прикроватной тумбочке с его стороны. Я могу до него дотянуться, если вытяну руку и задержу дыхание. Но сейчас не время. Сейчас я просто смотрю. Светодиод мигает зелёным — новые сообщения. Пять штук. Интересно, от кого? От брюнетки? От блондинки? От рыжей, которая делает минет так, что он запрокидывает голову?

Не важно.

Я не лезу в телефон. Слишком рискованно. Он может проснуться. Заметить. Насторожиться.

Поэтому я иду на кухню. Варю кофе. Достаю ноутбук — свой, личный. Артур никогда в него не заглядывает. Потому что база не вызывает подозрений.

Открываю браузер. Ввожу в поиске: «Как скрыть доходы при разводе».

Выпадает сотня статей. Читаю жадно, торопливо, с чувством, будто сдаю экзамен. Срок давности, совместно нажитое имущество, оценочная стоимость бизнеса, судебная экспертиза. Цифры, термины, лазейки.

Он наверняка уже прячет деньги. Переводит на счета компаний-однодневок. Выводит через подставных лиц. Или просто дарит любовницам дорогие подарки — их тоже можно признать незаконным отчуждением.

Записываю. Всё, что кажется важным, отправляю себе на почту. Потом сотру историю. Артур не проверяет, но осторожность — мать судебных исков.

Вхожу в его почту. Пароль — «Джессика» (имя его первой собаки, о которой он рассказывал на втором свидании. Я запомнила. Потому что тогда мне было не все равно).

Входящих — двести тридцать. Нечитанных — сорок. Он не пользуется рабочим ящиком для личного. Умён, гад. Но я знаю пароль от его рабочего аккаунта в облачном хранилище. Там документы. Все.

Я копирую. По одному. По два. Договоры аренды, счета компаний-франчайзи, налоговые декларации за прошлый год. Я не юрист, но Вера Николаевна разберётся. Она закажет экспертизу. Она найдет, где спрятаны концы.

Главное — успеть до того, как он заподозрит.

— Ты чего не спишь? — голос Артура за спиной.

Я вздрагиваю. По-настоящему. Сердце ухает вниз, пальцы на секунду замирают над клавиатурой. Но я уже давно научилась врать. С детства. Мать говорила: «Оля, если не умеешь врать красиво, хотя бы молчи». Я умею. О, я умею.

— Сны дурацкие, — поворачиваюсь к нему, прикрывая ноутбук журналом про дизайн интерьеров. — Кошмары. Решила не мучиться.

Он стоит в дверях кухни. Труссы, футболка, взъерошенные волосы. Со стороны — идеальный муж, который зашёл утром проведать жену. Босиком, сонный, слегка злой.

— Чаю хочешь? — я уже встаю, иду к чайнику. Мои руки не дрожат. Дыхание ровное. Пульс? Пульс я не проверяла. Но чувствую, что в глазах — пустота. Бездна. В которую он может провалиться, если приблизится.

— Нет, — трёт лицо ладонью. Смотрит на меня, щурится. — У тебя темные круги. Ты вообще спишь?

— Справляюсь.

Подхожу к нему. Встаю на носочки, целую в щеку. Коротко, сухо, никак. Он ловит мой подбородок пальцами, разворачивает к себе. Взгляд тяжёлый. Ищущий.

— Ты странная последние дни.

— Месяц такой, — улыбаюсь. Широко. Как кукла. — Работа, дом, ты. Нормально.

Он всматривается. Я не моргаю. Не отвожу взгляд. Смотрю прямо в его тёмные глаза, в которых раньше видела себя — счастливую, глупую, бесконечно влюблённую.

Теперь я вижу только свои зрачки. Два чёрных колодца. Без дна.

— Ладно, — отпускает. Идёт к холодильнику, достаёт сок. Пьёт из горлышка. Жадно. Как пьют после долгого секса.

Интересно, он трахал кого-то сегодня ночью? Я спала. Он вставал в три. Я слышала шаги. Думала, в туалет. Теперь знаю — наверное, писал сообщения. Или звонил. Или просто не мог спать от переизбытка чужой кожи под пальцами.

— Сегодня ужин с моими партнерами, — напоминает. — Не опаздывай. И надень то красное платье.

Красное. Декольте, разрез до бедра. То самое, в котором он просит меня быть на людях — красивой, сексуальной, его. Чтобы все видели: у Артура Вишневецкого идеальная жена.

Которую он трахает реже, чем чужую секретаршу.

— Конечно, милый, — киваю. — Во сколько?

— В семь. Будет Белов с женой. И кто-то ещё из инвесторов. Все серьёзно.

Серьёзно. Для него серьёзно — это мужчины в костюмах и женщины в украшениях. Я знаю этот ритуал. Улыбаться, когда говорит он. Молчать, когда говорят мужья. Смеяться над шутками, которых не понимаешь. И смотреть, как его взгляд скользит по официанткам.

Раньше я думала — он просто рассеянный.

Теперь я знаю — он высматривает следующую.

Артур уходит в душ. Я остаюсь на кухне. Открываю ноутбук. Смотрю на скопированные файлы. Тридцать семь документов за двадцать минут. Неплохо. За месяц я перекопаю его бизнес до основания.

Пишу сообщение Вере Николаевне: «Пришлите список, какие именно документы нужны в первую очередь».

Через минуту ответ: «Договоры аренды за три года. Финансовые отчеты. И все, что связано с его компаниями-партнерами. Имена любовниц — потом. Деньги — сейчас».

Деловая женщина. Мне нравится.

Я закрываю ноутбук. Иду в спальню. Переодеваюсь в спортивный костюм. Артур выходит из душа — полотенце на бёдрах, капли воды на плечах. Его тело я знаю лучше, чем своё. Где родинка, где шрам от аппендицита, где волосы растут не так, как надо.

— Ты куда? — спрашивает, намазывая лицо кремом для бритья.

— В спортзал.

— У тебя абонемент в «World Class», а не в подвальный копеечный тренажерный.

— Знаю. Я туда. У них есть бассейн. Плавание успокаивает нервы.

— Какие нервы? — его голос становится жёстче.

— Общие, — вру на ходу. — Свадьба сестры твоей. Ты же знаешь, я волнуюсь перед семейными сборищами.

Ложь упаковывается в красивую коробку. Он верит. Кивает, возвращается к бритью.

Я выхожу.

В лифте — одна. Лицо в зеркале — никакое. Ни радости, ни горя. Только в уголках губ — складка. Та самая, которая появляется, когда долго сдерживаешь крик.

В спортзале я не плаваю. Сажусь в углу кафе и звоню частному детективу. Номер дала Вера Николаевна.

— Федор, — говорю в трубку. — Мне нужно собрать информацию. О муже.

— Без проблем, — голос низкий, прокуренный. — Что именно?

— Всё. С кем, когда, где. И особенно — сколько он на них тратит. Чеки, счета, переводы. Подарки. Яхты. Квартиры. Даже если он купил любовнице кофе на заправке — я хочу знать.

Пауза. Федор молчит, переваривает.

— Это будет дорого.

— Мой муж стоит восемь миллионов долларов. Я готова заплатить.

— Хорошая девочка, — одобряет. — Скиньте на ватсап фото, данные, где чаще бывает. Через неделю будет первая порция.

Я сбрасываю. Смотрю на телефон. В заметке — план. Уже семь пунктов. Последний: «Не влюбиться в него снова. Это было бы идиотизмом даже для меня».

Кладу телефон в сумку. Выхожу из кафе. На улице — тепло. Пахнет весной и предательством.

Иду по тротуару. Мимо проходят люди. Кто-то улыбается мне. Я улыбаюсь в ответ. Они видят женщину в хорошем спортивном костюме, с дорогой сумкой и кольцом на левой руке.

Они не видят, что внутри — детонатор. И таймер уже включен.

29 дней.

Вечер. Красное платье. Красная помада. Красные туфли на шпильках, которые убивают пальцы, но делают ноги бесконечными.

Артур смотрит на меня, когда я спускаюсь по лестнице из спальни. Взгляд скользит от щиколоток до декольте. Задерживается на талии, где платье обтягивает каждый изгиб.

— Хорошо, — выдыхает. — Глаз не оторвать.

— Это моя работа, — отвечаю, и в голосе нет иронии. Потому что это правда. Моя работа — выглядеть так, чтобы он гордился. Чтобы партнёры завидовали. Чтобы инвесторы думали: «У этого мужика всё схвачено».

В машине молчим. Артур за рулем — всегда за рулем. Он не выносит, когда кто-то ведёт, даже такси. Контроль. Всё, всегда.

Я смотрю в окно. Огни города. Люди спешат домой — к ужину, к детям, к тем, кого любят. Я еду на ужин с мужем-изменщиком и буду улыбаться его партнёрам.

— Ты сегодня какая-то далёкая, — замечает он, не поворачивая головы.

— Думаю о нашем будущем.

Правда. Я думаю о нем. О том, что через месяц он лишится всего. Квартир, машин, бизнеса. И меня. И собаки, которая сейчас спит в прихожей и не знает, что скоро папа исчезнет из её жизни.

— О каком будущем? — голос Артура становится тише.

— О нашем. О нас.

Он молчит. И в этом молчании я слышу больше, чем в любых его словах за последние годы. Он не знает, что сказать. Потому что в его будущем меня нет. Есть только удобная база, которая готовит лосося по средам и не задаёт вопросов.

Ресторан. Швейцар, красная дорожка, вспышки камер — нет, не папарацци, просто гости снимают друг друга. Мы входим. Артур ведёт меня за талию — крепко, собственнически. Пальцы впиваются в ткань платья.

— Улыбайся, — шепчет. — Ты моя витрина.

Витрина. Не женщина. Экспонат.

Улыбаюсь. Широко, искренне. Глаза блестят — от злости, а не от счастья. Но никто не видит разницы.

За столиком — Белов с женой Катей. Она тоже улыбается. И я знаю, что Белов изменяет ей с ассистенткой. Все знают. Кроме Кати? Или Катя тоже знает, но молчит, потому что боится?

Нет. Я больше не боюсь.

Я собираю осколки своего брака. Острые, режущие пальцы. Но каждый осколок — это улика.

И через четыре недели я сложу из них не зеркало. Оружие.

Артур заказывает вино. Дорогое, выдержка тридцать лет. Я делаю глоток и чувствую вкус своей свободы.

Она горькая.

Но это лучше, чем сладкая ложь.

Глава 5. Шпионские игры в спальне

Ужин тянется четыре часа.

Четыре часа улыбок, комплиментов чужим жёнам, обсуждения инвестиций в новые кофейни и того, как «нестабилен рынок в этом году». Артур говорит красиво, складно, с цифрами и датами. Если бы я не знала, что он изменяет мне с половиной города, я бы снова влюбилась. Прямо здесь, за этим столом. В его уверенный голос. В жёсткие пальцы, которые постукивают по бокалу. В то, как он смотрит на меня, когда Белов шутит про «семейное счастье».

Взгляд Артура — тёплый, собственнический. В нем — обещание. Не любви. Владения.

Катя Белова сегодня в синем. На шее — колье с сапфирами. Она на два года младше меня, но выглядит на сорок. Или так кажется, потому что она научилась улыбаться искренне. Её муж сидит рядом, положив руку на спинку её стула. Не на плечо. Не на талию. Просто на спинку — для вида.

— Лена, вы давно женаты? — спрашивает она в какой-то момент. Голос тихий, как у мышки, которую травят в подвале.

— Шесть лет, — отвечаю и автоматически поправляю кольцо. Оно греет палец. В прямом смысле — тепло платины от лампы. Или жар моей злости.

— Счастливы?

Прямой вопрос. Слишком прямой для такого ужина. Белов давится вином. Артур сжимает челюсть. А я смотрю на Катю и понимаю: она знает. Она всё знает про Артура. Или про своего мужа. Или про всех сразу.

— Счастливее, чем кажется, — улыбаюсь. — А вы?

Она отводит взгляд. Крошит хлеб. Её пальцы дрожат, когда она берет масло.

— Мы привыкли, — шепчет, но я слышу.

Привыкли. Не «любим». Не «рады». Привыкли.

Господи, какие же мы все несчастные в своих идеальных платьях и бриллиантах. Сидим за столом, улыбаемся, пьём дорогое вино и привыкаем. Я — привыкать, что муж меня не хочет. Катя — что муж хочет не её. И все улыбаются, потому что исповедь — это не для вечеринок с партнёрами.

— Пойду освежусь, — поднимаюсь. Беру клатч. Артур провожает меня взглядом, и в этом взгляде — краткое «не долго».

Туалетная комната. Мрамор, свечи, запах цитрусов. Смотрю на себя в зеркало. Красное платье, красная помада, тёмные глаза. Я красивая. Я знаю. Но красота — это не щит от измен. Красота — это просто причина, по которой он выбрал меня витриной. Самой блестящей.

Открываю клатч. Достаю телефон.

Сообщение от Алисы: «Ты с ним?»

Пишу: «На ужине с партнерами. Он говорит про инвестиции. Я играю в счастливую жену».

Ответ через секунду: «Помни, для чего ты это делаешь». И следом: «Видео с той ночи я удалила. Не хочу, чтобы кто-то нашёл. Но копия у меня в защищённой папке. Придёт час — скину адвокату».

Алиса — единственная, кто знает всё. С кем я плакала после ссор с матерью. Кто держал меня за руку, когда умер отец. Кто сказал «выходи за него» шесть лет назад и кто сейчас помогает из него выходить.

Она не извиняется за тот совет. Потому что тогда Артур был другим. Или я не хотела видеть, каким он стал.

Звонок в дверь туалета. Я вздрагиваю.

— Занято, — говорю приторно-вежливо.

— Открой, Лена, — голос Артура. Тихий, требовательный.

Открываю.

Он входит. Запирает дверь. И в этой маленькой мраморной комнате, пахнущей розами и сексом предыдущих посетительниц, он прижимает меня к раковине. Его бедра — вжаты в мои. Руки — на моей талии, жёстко, почти больно.

— Что ты там делаешь так долго?

— Поправляла макияж.

— Врёшь, — его дыхание на моей шее. Губы на том самом месте — под ухом. По коже — не мурашки, нет. По коже — колючая проволока. Соппротивление, которое я должна скрыть. — Я видел, как ты смотрела на Катю. Что она тебе сказала?

— Ничего. Спросила, счастлива ли я.

— И что ты ответила?

— Что да.

— Хорошо, — его язык проводит по моей шее. Медленно. Влажно. Я не хочу этого. Но тело — я уже говорила — предатель. Соски твердеют под тканью платья. Дыхание учащается от унижения. — Потому что ты счастлива, Лена. Поняла?

— Поняла, — шепчу.

Он отстраняется. Смотрит в глаза. Зрачки расширены. Возбуждён. Мной? Или игрой власти? Или просто тем, что может в любой момент отодрать меня в туалете дорогого ресторана, пока наши партнёры ждут за столом?

— Ты сегодня не дала мне вечером, — напоминает. Пальцем проводит по моей ключице. — Ссылаясь на голову.

— У меня правда болело.

— А сейчас болит?

Сейчас болит по-другому. Не голова. Гордость. Достоинство. Остатки любви, которые он вытаптывает своими пальцами, глядящими моё бедро через разрез.

— Сейчас нет, — говорю. Потому что если скажу «да», он не поверит. И потребует доказательств.

— Тогда сегодня ты моя. Всю ночь. Я хочу тебя так, что готов трахнуть прямо здесь, на этом холодном полу.

Откровенно. Грубо. Так, как он говорит с бабами на корпоративах. Со мной он таким стал недавно. Или всегда был таким, но я списывала на страсть?

Артур тянет меня за руку к выходу. Я иду. Каблуки стучат по мрамору. В голове — пустота. План. Улыбка. Секс.

Секс.

Я не хочу с ним спать. Но если откажусь — заподозрит. А если заподозрит — начнёт прятать деньги. А если начнёт прятать — я проиграю.

Так что сегодня я лягу с ним в постель. И буду играть так, как не играла никогда. Лучше, чем любая его шлюха. И он не поймёт, что это — не страсть. Это — месть.

Мы возвращаемся за стол. Белов что-то говорит про поставки кофе. Катя смотрит на меня. В её глазах — странное выражение. Ревность? Или понимание?

Я улыбаюсь. Беру бокал. Пью.

Через час мы уезжаем. В машине Артур молчит, но его правая рука лежит на моем бедре, пальцы сжимаются и разжимаются. Он думает о предстоящей ночи. Я думаю о том, сколько файлов скопирую, когда он уснёт.

Дома. Лифт. Квартира. Баки встречает, виляет хвостом. Я глажу его, целую в мокрый нос. — Иди спать, малыш, — шепчу собаке. — У мамы дела.

Артур уже в спальне. Снимает рубашку, бросает на пол. Я закрываю дверь. Включаю бра — приглушённый свет. Начинаю медленно расстёгивать платье.

— Не играй, — командует. — Иди сюда.

Иду. Подхожу вплотную. Он срывает с меня платье. Ткань трещит. Никогда не рвалась раньше. Теперь — да.

— Оно стоило пять тысяч, — зачем-то говорю.

— Заработаю новые, — целует в шею. Грубо. Властно.

Закрываю глаза.

И представляю, что он — не он. А тот мужчина, который будет после. Который появится, когда я заберу всё и уйду. Которому я буду нужна не как база, а как женщина. Живая, настоящая, без этого комка в горле.

Артур валит меня на кровать. Нависает. Раздвигает ноги коленом. Пальцы в трусы — грубо, нетерпеливо.

— Ты уже мокрая, — констатирует, и в его голосе — удовлетворение. — Скучала.

Я не скучала. Это тело. Ненавижу его. И себя. Но клитор пульсирует, потому что прикосновения — качественные, опытные. Он знает, куда нажать. Где провести. Как сжать.

Этого я и боялась больше всего.

— Да, — шепчу, обхватываю его шею руками. — Очень.

Он входит. Резко, одним движением. Я не готова, но ему все равно. Боль врывается в низ живота. Я закусываю губу, чтобы не вскрикнуть. Он воспринимает это как удовольствие.

— Господи, какая ты узкая, — стонет. Начинает двигаться. Жёстко, глубоко, почти жестоко.

Я смотрю на потолок. На лепнину, которую он заказал у итальянского мастера. Она стоит тридцать тысяч евро. Столько же, сколько год обучения в хорошем университете. Или десять тысяч порций кофе.

Его дыхание — тяжёлое, хриплое. Локти — по бокам от моей головы. Лицо — близко-близко. Глаза закрыты. Он представляет кого-то другого? Или просто получает своё, потому что жена обязана давать?

— Громче, — командует. — Сделай громче.

Я стону. Громко, фальшиво. Но он не слышит фальши. Ему все равно. Ему нужен звук, подтверждение того, что он хорош. Что он мужчина.

Окурок. Я чувствую себя окурком, который он затушит в пепельнице, когда кончит.

И он кончает. Судорожно, громко, с моим именем на губах.

— Лена... Лена...

Сползает с меня. Лежит на спине, тяжело дышит. Я лежу рядом. Между ног — влажно, горячо, неприятно. Я не кончила. Ни разу.

Он не спросит. Не спросил ни разу за последние два года.

Я встаю. Иду в ванную. Смотрю в зеркало. Лобковые волосы растрёпаны, губы размазаны, глаза пустые.

Включаю душ. Смываю его с себя.

Потом иду на кухню. Пью воду. Открываю ноутбук.

Копирую файлы.

Пишу в заметке:

«День 3. Секс был. Он — как обычно. Я — как шлюха на вызове. Разница только в том, что мне не заплатили. Хотя, возможно, заплатят — на разводе».

Удаляю. Слишком цинично даже для меня.

Пишу новое: «День 3. Доказательства: 37 файлов. Детектив нанят. Улыбка на месте. Осталось 27 дней».

Сажусь на пол. Прислоняюсь спиной к холодильнику. Баки подходит, кладёт голову мне на колени. Глажу его шерсть. Она пахнет солнцем и преданностью. То, чего у меня никогда не было от мужа.

— Мы справимся, малыш, — говорю собаке. — Мы построим новую жизнь. Без него.

Баки виляет хвостом. Он верит.

Мне бы его веру.

Засыпаю на полу. Просыпаюсь в пять утра от холода и чувства, что за мной наблюдают.

На пороге кухни стоит Артур. Смотрит на ноутбук рядом со мной. На собаку на моих коленях. На меня — в расстёгнутом халате, с размазанной тушью.

— Ты спала здесь? — голос хриплый, непонимающий.

— Вышла воды попить. И уснула, — говорю первое, что приходит в голову.

Он молчит. Подходит. Закрывает ноутбук — не глядя, что на экране. Тянет меня за руку.

— Иди в кровать. Ты замерзла.

Иду. Ложусь. Он обнимает меня со спины. Прижимается всем телом. Теплый. Уютный. Господи, как же легко забыть, кто он есть, когда он так пахнет — мятой, сном, чем-то родным.

Но я помню.

Я закрываю глаза и помню.

Видео. Ухмылка. Голос: «Ленка — это база».

Двадцать семь дней. Я выдержу. Даже если он будет уютным каждую ночь.

Даже если буду кончать от его прикосновений и ненавидеть себя за это.

Особенно тогда.

Глава 6. Идеальная жена на завтрак, обед и ужин

Четырнадцатый день.

Я стала профи. Сертифицированным специалистом по двойной жизни. Утром — кофе, улыбка, поцелуй в щеку, проводить до двери. Днём — поиск документов, звонки адвокату, встречи с детективом в нейтральных кафе. Вечером — ужин, разговоры ни о чем, иногда секс, который я научилась не ненавидеть.

Я научилась отключаться.

Смотрю в потолок, пока он надо мной, и считаю. Не овец. Дни. Осталось шестнадцать. Шестнадцать ночей, шестнадцать утр, шестнадцать улыбок. А потом — взрыв.

Файлов на ноутбуке уже сто сорок три. Вера Николаевна переслала их юристу по экономическим спорам. Тот сказал: «У вас есть шанс отсудить не меньше половины совместного

имущества, плюс компенсацию морального вреда, плюс алименты, если докажете, что он скрывал доходы».

Половина. Шесть лет брака, две квартиры, доля в бизнесе, машина, счета. Половина всего этого.

Достаточно, чтобы начать новую жизнь. Не роскошную. Не с итальянской лепниной и сыром «Мимолет» по средам. Но свою. Где никто не называет меня базой.

Сегодня — пятница. Артур уехал в офис в девять, поцеловав меня в макушку так небрежно, будто я — мебель, с которой принято прощаться. Я дождалась, пока лифт уедет, закрыла дверь на цепочку и открыла ноутбук.

Новое сообщение от Федора.

«Лена Сергеевна, есть материал. Встретимся в три, в том же месте?»

То же место — кафе на набережной, где никто из знакомых не бывает. Где подают паршивый кофе, но хороший вид на реку. Где я могу слушать правду о своём муже без свидетелей.

В три я сижу за столиком у окна. На мне джинсы, свитер, кепка — не для маскировки, просто не хочу быть той Леной в красном платье. Сегодня я — женщина, которая собирает компромат. Без бриллиантов. Без улыбки.

Федор приходит ровно в три. Крупный мужчина лет пятидесяти, с лицом, которое не запомнишь через пять минут после расставания. Идеальный детектив. Кладёт на стол папку. Толстую, картонную, с завязками.

— Тут не всё, — говорит, заказывая эспрессо. — Но достаточно, чтобы начать действовать.

Открываю папку. Первая страница — список. Имена, даты, места. Семь женщин за последние два года. Семь.

— Семь? — мой голос не дрожит. Уже нет. Четырнадцать дней тренировки.

— Это те, кого я смог идентифицировать. Есть ещё три без имён. Приезжие, в основном. Но я работаю.

Смотрю на имена. Три я знаю. Одна — его секретарша, Ангелина, двадцать три года, блондинка с губами, которые она, кажется, увеличила на его деньги. Вторая — жена его партнёра Белова? Нет, это не Катя. Это кто-то другой. Марина, тридцать, фитнес-тренер. Третья — подруга Алисы? Черт.

Читаю дальше. Федор задокументировал всё. Даты встреч, чеки из отелей, подарки (ювелирные магазины, брендовые сумки, айфоны — новый каждые две недели, хотя мой муж меняет телефон раз в три года). Самый дорогой подарок — квартира-студия в центре. Не мне. Ангелине, секретарше.

Квартира.

Он купил любовнице квартиру, а я просила новые окна на кухню два года.

— Это ещё не всё, — Федор протягивает флешку. — Там видео с камер наблюдения из отеля «Метрополь». Тот самый корпоратив. И фото его машины на парковке у её дома. С датами, временем, GPS-координатами.

Сжимаю флешку в кулаке. Пластик впивается в ладонь.

— Сколько я должна?

— Пока двадцать тысяч. Остальное — когда соберу полное досье.

Двадцать тысяч. Половина моих сбережений. Но оно того стоит. Каждая копейка вернётся. Не деньгами — свободой.

Федор уходит. Я остаюсь с папкой. Листаю. Фотографии — он и она. Он и другая. Он и третья. На одной из них Артур целует Ангелину у подъезда той самой купленной квартиры. На заднем плане — дерево, голые ветки, зима. Фото сделано три месяца назад.

Три месяца назад я лежала в больнице с аппендицитом. Он приезжал каждый вечер, приносил фрукты, сидел рядом, гладил по руке. Я думала — забота. Теперь понимаю — контроль.

Проверял, не помру ли. Потому что мёртвая жена — это проблемы с наследством. А живая, но слабая — это свободное время для квартиры в центре.

Закрываю папку. Платить не хочется. Хочется выть. Но волчий вой привлекает внимание, а мне нужна тишина. Ещё на шестнадцать дней.

Домой возвращаюсь в пять. Артура нет. Он звонит в шесть:

— Задержусь, Лен. Белов предложил обсудить контракт за виски. Ты не жди.

Белов. Виски. Уже слышал. В тот раз тоже говорил про «виски», а сам трахал брюнетку в подсобке.

— Хорошо, милый, — отвечаю. — Не пей много.

— Не буду. Люблю тебя.

Три слова. Пустые, как пластиковая бутылка. Когда-то они наполняли меня до краёв. Теперь просто пролетают сквозь, не задерживаясь.

Кладу трубку. Смотрю на Баки. Собака лежит на коврикe, положив морду на лапы. Ей грустно. Она чувствует, что в доме что-то сломалось.

— Прости, малыш, — говорю. — Скоро всё закончится.

Вечер. Я одна. Достая папку. Снова пересматриваю фотографии. В какой-то момент замечаю деталь: на одной из фотографий, где Артур выходит из отеля с Мариной, фитнес-тренершей, на заднем плане видна ещё одна фигура. Женская. Стоит у стойки регистрации, отвернувшись, но я узнаю пальто. Кашемировое, серое, с поясом.

У меня такое же.

Нет. У меня именно такое.

Всматриваюсь. Женщина полуобёрнута, лица не видно, но я знаю свои вещи. Я знаю свой рост. Свою походку.

Это не я.

У меня алиби. В тот день я была на приёме у терапевта, есть чек и запись в электронной карте.

Но кто-то очень хотел быть похожей на меня.

Интересно, Артур в курсе? Или это игры женщин, которые хотят занять моё место?

Звонок от адвоката. Вера Николаевна никогда не звонит после семи. Сегодня — исключение.

— Лена, у меня новости, — голос сухой, как всегда, но есть в нем что-то... встревоженное. — Артур подал заявку на открытие нового юрища. Вчера. Это компания-прокладка, скорее всего. Он начинает выводить активы.

Сердце — не пропускает удар, это было бы слишком поэтично. Сердце проваливается. В холодную, липкую пустоту.

— У нас есть время?

— Если он только начал — около месяца, пока процедура оформления. Но если узнает о ваших намерениях — всё закроет за неделю. Вам нужно ускориться.

Ускориться. Как? Я уже копирую всё, что можно. Встречаюсь с детективом. Собираю доказательства. Но развод — это не спринт, а марафон с препятствиями, и каждое препятствие носит фамилию Артур.

— Что мне делать?

— Завтра пришлите мне доверенность. Я начну собирать иск. И постарайтесь, чтобы он ничего не заподозрил. Улыбайтесь. Будьте идеальной.

Вешаю трубку. Смотрю на кольцо. Сегодня оно не греет. Сегодня оно давит.

15 дней.

Ночью он приходит в час. Пьяный — не сильно, но достаточно, чтобы спотыкаться в прихожей, скидывая ботинки. Баки не выходит встречать — собака ненавидит пьяных. Умная.

Я в спальне, не сплю. Слышу его шаги, тяжёлые, неровные. Он заходит, падает на кровать, тянет меня к себе.

— Лен, — мычит в затылок. — Лен, ты лучшая.

— Спокойной ночи, Артур, — пытаюсь отодвинуться.

— Нет, не спи. Хочу кое-что сказать.

Замираю. Он никогда ничего не говорит. Ничего важного, по крайней мере.

— Я... — голос пьяный, вязкий. — Я ценю тебя. Ты знаешь? Ты всегда была... была рядом.

— Да, — шепчу в темноту.

— А я... я дурак.

Сердце замирает. Неужели? Неужели он сейчас скажет? Сам? Без видео, без детектива, без адвоката?

— Я дурак, что не сказал тебе раньше, — он прижимается ближе. — Но... мы переезжаем.

— Куда?

— В Лондон. На полгода. Открываем филиал. Ты со мной, конечно.

Облегчение такое резкое, что я почти смеюсь. Почти. Он не о любви. Он о бизнесе. О переезде. О том, чтобы база была под рукой в чужой стране.

Лондон. Полгода. С ним. Вдали от адвоката, от детектива, от доказательств.

— Когда? — спрашиваю, сдерживая панику.

— Через три недели.

Значит, у меня не пятнадцать дней. У меня — двадцать один? Или нет? Если я не успею подать иск до отъезда, он вывезет меня туда, где я никого не знаю, где у меня не будет Веры Николаевны, где он сможет делать что хочет.

— Это неожиданно, — говорю ровно.

— Это шанс, Лен. Для нас. Начать сначала. Ты же хочешь начать сначала?

Хочу. Но не с тобой.

— Хочу, — вру. — Давай спать. Завтра обсудим.

Он засыпает через минуту, уткнувшись носом мне в шею. Тёплый, пьяный, уязвимый. В такие моменты сложно ненавидеть. Легко представить, что он — прежний. Тот, кого я полюбила на третьем курсе, когда он принёс мне кофе под дождём и укрыл своей курткой.

Но кофе тот был куплен в его первой кофейне, которая открылась на деньги моей матери. И куртка была новой, он потом выставил чек в расходы компании.

Я всё помню.

Все детали.

Потому что память — это не архив. Память — это судья. И она выносит приговоры.

Артур спит. Я лежу с открытыми глазами. В голове — план на завтра:

Узнать все про Лондон. Юрисдикция, разводы, раздел имущества в другой стране.

Сказать Вере Николаевне. Ускорить иск.

Не сдохнуть от желания разбудить его и сказать всё в лицо.

Третий пункт — самый сложный.

Я поворачиваю голову. Смотрю на его лицо в свете уличных фонарей. Спящий Артур — красивый. Ангел, которого не было. Взрослый мужчина с детскими ресницами, которые дрожат во сне.

— Ты даже не знаешь, кого разбудил во мне, — шепчу в тишину. — Не любовь. Не ненависть. Зверя.

Он не слышит.

Но услышит.

Через несколько дней.

Глава 7. Лондонский синдром

Пятнадцатый день.

Я не сплю уже третьи сутки. Нет, не бессонница. Расчёт. В голове — таблицы, даты, иски, юрисдикции. Артур спит рядом, а я листаю сайты британских адвокатов на телефоне — яркость на минимум, дыхание в подушку, чтобы не услышал.

Лондон — не просто город. Лондон — это ловушка.

Вера Николаевна прислала мне голосовое в четыре утра. Ей тоже не спится.

«Лена, если вы переедете до подачи иска, процедура усложнится в разы. Британский суд может признать ваш брак подпадающим под их юрисдикцию, если вы проведёте там больше шести месяцев. А там законы о разделе имущества жёстче. Он может вывезти деньги туда, куда мы не достанем. Вам нужно подать заявление до отъезда. Любой ценой».

Любой ценой.

Звучит как приговор. Или как разрешение.

Встаю в шесть. Артур спит. Баки спит. Мир спит, а я готовлю завтрак. Яичница, бекон, свежавыжатый апельсиновый сок. На подносе — салфетка, цветок из вазы, записка: «Хорошего дня, любимый».

Играю настолько хорошо, что начинаю бояться себя. Актриса года. Номинация — «Лучшая жена-терминатор».

Он выходит на кухню в восемь. Пахнет сном и моим гелем для душа. Целует меня в макушку, садится за стол. Ест. Хвалит. Обещает Лондон.

— Ты представляешь, Лен, — его глаза блестят, как у ребёнка перед ёлкой. — Новый рынок, новые инвестиции. Там такие возможности...

— А я? — спрашиваю, подыгрывая. — Чем я буду заниматься?

— Ты — моя жена. Общаться с партнёрами, ходить на обеды, быть красивой. То же самое, что и здесь.

То же самое, что и здесь. Витрина. Экспонат. База.

— Звучит прекрасно, — улыбаюсь. — Когда летим?

— Через три недели. Я уже забронировал билеты.

Он не спросил. Конечно. Артур не спрашивает. Артур сообщает. Билеты, города, жизнь — всё под его контролем.

Кроме моего выхода из игры.

После его ухода я звоню Алисе. Голос подруги — сонный, с хрипотцой. У неё маленький ребёнок, она почти не спит по ночам. Но когда я говорю «Лондон», она просыпается мгновенно.

— Он охренел, — выдыхает. — Это же классика. Увезти тебя из твоей зоны влияния, изолировать, сделать зависимой.

— Я знаю.

— Лена, ты не можешь ехать.

— Я не поеду. Но он не должен знать об этом до последнего.

— Что ты задумала?

Смотрю в окно. Внизу — город. Серый, весенний, чужой. Скоро он станет чужим окончательно. Как только я подам на развод.

— Я затяну его в суд до отъезда. Подам заявление в понедельник. У него будет меньше недели, чтобы отреагировать. Он не успеет вывезти деньги.

— А если успеет?

— Тогда у меня есть флешка с видео. И квартира, купленная секретарше. И семь любовниц. И аудиозапись, где он называет меня базой. Этого достаточно, чтобы суд встал на мою сторону даже в Лондоне.

— Ты — монстр, — с восхищением говорит Алиса.

— Я — женщина, у которой сломали сердце. Это страшнее любого монстра.

Мы договариваемся встретиться завтра. Она принесёт документы, которые я просила — старые фотографии с корпоративов, переписки, где Артур флиртует с её подругами. Каждая мелочь — это кирпич в стене его поражения.

Вечером — сюрприз.

Артур приводит домой гостей без предупреждения. Белов с Катей и ещё одна пара — мужчина лет сорока, женщина лет двадцати пяти. Его слова: «Это Макс, новый инвестор. И его спутница... Лена, как её?»

Девушка улыбается, сверкая идеальными зубами. «Алиса». Такое же имя, как у моей подруги. Это единственное, что в ней родное. Всё остальное — силикон, филлеры, дорогая одежда.

— Очень приятно, — говорю, протягивая руку. Она смотрит на моё кольцо. На моё платье. На мою кухню, где пахнет ужином, который я не готовила для неё.

— У вас шикарный дом, — мурлычет она. Голос — как патока. Слишком сладко.

— Спасибо.

Я иду на кухню, доделывать ужин. Артур заходит следом. Хватает меня за локоть.

— Лен, будь поласковее с ней. Макс — ключевой инвестор. Если мы его затащим, Лондон будет нашим.

— Я всегда ласковая, — выдёргиваю руку. — Ты же знаешь.

Он знает. Он знает, что за последние две недели я не сказала ни одного грубого слова. Ни одного упрёка. Ни одного вопроса про ночные звонки. Идеальная.

Ужин — как под копирку. Смех, тосты, обсуждение Лондона. Катя сегодня в зелёном. Она почти не ест, только ковыряет вилкой рыбу. Белов наливает себе вино за вином. Макс смотрит на свою спутницу так, будто она — его собственность. Алиса-младшая кокетничает с Артуром.

И Артур отвечает.

Это я вижу чётко. То, как его взгляд задерживается на её декольте. Как он смеётся над её шутками. Как поправляет галстук, когда она смотрит.

Я сижу напротив и считаю. Четыре раза он посмотрел на меня. За два часа. Четыре взгляда — «контроль», «удовлетворение», «скоро уйдут», «я тебя потом трахну».

Семьдесят три взгляда — на неё.

Когда гости уходят, Артур выдыхает. Сразу становится уставшим, снимает пиджак, расстёгивает верхнюю пуговицу рубашки.

— Макс подписывает контракт. Лондон наш.

— Поздравляю, — целую его в щеку. Коротко. Как родственника.

— Ты сегодня странная, — замечает он. — Обычно ты более... живая на таких встречах.

— Устала, — это правда. Я устала лгать. Устала улыбаться. Устала видеть, как мой муж флиртует с девушкой, которая годится ему в дочери.

— Иди отдохни, — он гладит меня по спине. Ладонь скользит ниже, поясницы. Жест — собственнический, уверенный. — Я приду через час.

Через час он не приходит. Я лежу в кровати одна. Слышу приглушённые голоса из кабинета. Разговаривает по телефону. С кем? С Максом? С Ангелиной? С Алисой-младшей?

Не важно.

Завтра понедельник. Завтра я подам заявление.

Встаю. Иду в кабинет. Стучу.

— Да, — раздражённо.

Захожу. Он сидит за столом, телефон в руке. На экране — сообщение. Я не вижу текст, но вижу смайлик — сердечко.

— Я ложусь спать. Ты долго?

— Закончу, приду.

— Хорошо.

Смотрю на телефон. На его пальцы, которые держат его. Пальцы, которые я целовала. Которые ласкали меня. Которые, наверное, только что писали какой-то женщине, что она — лучшее, что с ним случилось.

— Артур.

— М-м-м?

— Ты счастлив?

Поднимает голову. Смотрит на меня — удивлённо. Такой вопрос от меня — редкость. Я не спрашиваю про чувства. Я их демонстрирую. Или не демонстрирую.

— Лен, ты чего? Конечно, счастлив. У меня есть ты, бизнес, скоро Лондон.

«Ты» — на первом месте. Иронично, учитывая, что на втором — женщины, с которыми он не спит, а трахается.

— Спокойной ночи, — закрываю дверь.

Иду на кухню. Пью воду. Смотрю на нож. Большой, кухонный, для мяса. Интересно, каково это — вонзить в него. Не в Артура — в свою боль. Вырезать её из вен.

Не сегодня. Нож на место. Я иду в спальню. Ложусь на спину. Смотрю на потолок. Лепнина. Тридцать тысяч евро.

Сколько женщин можно купить на тридцать тысяч евро? Артур знает ответ. Я начинаю догадываться.

Он приходит в час ночи. Сбрасывает одежду. Ложится рядом. Обнимает. Его рука на моём животе, пальцы перебирают край футболки.

— Я хочу тебя, — шепчет в затылок.

— Я сплю, — отвечаю.

— Нет, не спишь. Я чувствую.

Он прав. Не сплю. Но не хочу его. Не сегодня. Не после того, как видел, как он смотрел на ту девушку.

— У меня голова болит, — давлю на старую пластинку.

— Лена, — голос становится жестче. — Третью неделю болит голова. Может, к врачу?

— Может быть.

Он убирает руку. Отворачивается. Напряжение между нами — как лезвие.

— Ты меня больше не хочешь? — спрашивает в темноту.

Пауза. Слишком длинная. Слишком честная.

— Хочу, — ложь. — Просто устала.

— Завтра пойдёшь к врачу.

— Хорошо.

Завтра я пойду не к врачу. Завтра я пойду к нотариусу. Заверять исковое заявление.

Завтра мир Артура Вишневецкого начнёт рушиться.

Он засыпает. Я слышу его дыхание — ровное, спокойное. Спокойствие убийцы, который не знает, что его уже вычислили.

Я достаю телефон. Пишу Вере Николаевне:

«Завтра в 10 у вас. Будьте готовы».

Ответ приходит через минуту:

«Всегда готова. Приносите всё, что есть. И будьте осторожны. После подачи он может стать агрессивным».

Может. Но я буду далеко. Или нет? Мы живём в одной квартире. Одной кровати. После того, как судебные приставы вручат ему повестку, он придёт домой. Ко мне.

Что он сделает? Ударит? Никогда не бил. Но деньги отнимал. Свободу забирал. Сердце вынул и выбросил.

Бить не обязательно, чтобы убить.

Я закрываю глаза. Завтра — день, который разделит жизнь на «до» и «после».

Я боюсь.

Но страх — это не повод отступать. Это повод бежать быстрее.

Понедельник. 9:47.

Сажу в приёмной Веры Николаевны. На мне деловой костюм — серый, строгий. Волосы собраны в пучок. Никакой красной помады. Сегодня я не жена. Сегодня я — заявитель.

Вера Николаевна выходит. Кивает. Проходит в кабинет.

— Всё готово, — говорит, раскладывая бумаги. — Подписывайте здесь, здесь и здесь.

Я беру ручку. Смотрю на стопку листов. Семьдесят три страницы. Семьдесят три страницы правды, которая убьёт мой брак.

Артур даже не знает, что уже мёртв.

Подписываю.

— Что теперь? — спрашиваю, когда ручка замирает над последней подписью.

— Теперь я подаю в суд. Сегодня же. В течение трёх дней они вынесут определение о принятии иска. Ещё через несколько дней — предварительное заседание. Артура уведомят повесткой.

— Он узнает.

— Обязательно. Вопрос — когда.

Закрываю папку. Встаю.

— Спасибо, Вера Николаевна.

— Не благодарите. Заплатите по счетам.

Впервые за всё время она улыбается. Жёстко, без тепла. Улыбка хищника, который выпустил добычу на арену.

Выхожу из офиса. На улице — весна. Солнце — яркое, злое, беспощадное. В моём кармане — флешка с доказательствами. В моём сердце — пустота.

Звонок от Артура:

— Лен, вечером будь дома пораньше. Заедем к риелтору. Посмотрим квартиру в Лондоне.

Голос — радостный, возбуждённый. Он планирует будущее. Наше будущее.

Которого не будет.

— Хорошо, милый, — отвечаю.

Смотрю на небо. На облака, которые плывут медленно, как похоронная процессия.

Через несколько дней он узнает.

А пока — я позволю ему мечтать о Лондоне.

С ним. Но без меня.

Глава 8. В день, когда рухнул фарфор

Двадцать первый день.

Тишина в квартире стоит такая, что слышно, как пыль оседает на полированных поверхностях. Артур уехал в офис в восемь утра, поцеловал меня в щеку, сказал: «Сегодня важные переговоры по Лондону, не жди к обеду». Я улыбнулась. Я всегда улыбаюсь.

Он не знает, что повестка уже лежит на его столе.

Вера Николаевна позвонила в десять. Голос сухой, как перекаленная глина.

— Суд принял иск. Сегодня вручат. Будьте готовы к его реакции.

— Я готова, — ответила, и в голосе не дрогнуло ни одной ноты.

Теперь сижу на кухне, пью третий кофе, смотрю на телефон. Он не звонил. Молчит. Ни сообщений, ни звонков. Только тишина перед взрывом.

Баки трётся о мои ноги, чувствует напряжение. Я глажу его по тёплой голове, шепчу: «Скоро всё закончится, малыш». Собака не верит. Собака умнее меня.

В двенадцать — первый звонок. Артур.

Принимаю.

— Лена, — его голос другой. Не ровный, не игривый. Напряжённый, с металлическими нотками. — Ты можешь объяснить, что это за херня пришла мне на почту?

Моё сердце не пропускает удар. Оно делает лишний. Сбивается с ритма, как падающий самолёт.

— Что именно? — спрашиваю, хотя знаю.

— Исковое заявление о разводе. Ты подала на развод? — последние слова он выплёвывает, как косточки от вишни. Злые, острые. — Ты охренела, Лена?

— Нет, — отвечаю тихо. — Я просто устала быть базой.

Тишина. Такая длинная, что я успеваю представить, как он сжимает телефон, как белеют костяшки его пальцев, как в глазах темнеет от ярости.

— Что ты сказала? — шёпотом. Опасным, таким, каким говорят перед тем, как ударить.

— Я слышала запись с корпоратива. "Ленка — это база". Красиво, Артур. Романтично. Я бы даже заплакала, если бы не видела видео, где ты целуешь трех баб за один вечер.

Он дышит в трубку. Часто, тяжело. Я представляю лицо — все мышцы напряжены, челюсть сведена, ноздри раздуваются. Он похож на быка перед атакой.

— Ты наняла детектива? — не вопрос. Констатация.

— Да.

— И адвоката?

— Да.

— И решила забрать всё?

— Половину. Как по закону.

Он смеётся. Нервно, отрывисто, как лает больная собака.

— Ты ничего не получишь, Лена. Я спрячу всё до копейки.

— Ты уже прячешь два года, — мой голос спокойный. Пугающе спокойный. — Квартира для Ангелины, счета на Кайманах, компания-прокладка для вывода дивидендов. Я всё знаю, Артур. У меня есть документы.

Тишина. Теперь он понял. Я не просто жена, которая подаёт на развод. Я — женщина, которая вооружилась до зубов.

— Ты... — он не находит слов. Я почти горжусь собой.

— Я та, кого ты называл базой, — заканчиваю за него. — Но базы имеют обыкновение взрываться. Когда их слишком долго игнорируют.

— Мы поговорим дома, — цедит он. — Не вздумай сбежать.

— Я никуда не сбегу, — обещаю. — Мне нечего бояться.

Кладу трубку. Руки трясутся. Не от страха. От адреналина. Чистого, как спирт, обжигающего вены.

Я сделала это. Сказала. Больше не надо врать. Не надо улыбаться. Не надо играть.

Свобода пахнет потом и тревогой.

Следующие пять часов я собираю вещи. Не всё — только самое важное. Документы, флешки, ноутбук. Паспорт. Немного денег. Баки поводок. Остальное — потом. Найму грузчиков, когда его не будет.

Чемоданы стоят в прихожей. Два больших, один маленький — для собачьих вещей. Я смотрю на квартиру — на итальянскую лепнину, на хрустальные люстры, на стены, выкрашен-

ные в «тёплый жемчуг» по дизайн-проекту, который я разрабатывала три месяца. Шесть лет жизни уместились в два чемодана.

Ключ поворачивается в замке в шесть вечера.

Не в шесть — в восемнадцать ноль-ноль, как приговор.

Артур входит. Один. Без портфеля, без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами. Лицо красное — то ли от злости, то ли от выпитого. Глаза — бешеные, как у загнанного зверя, который вдруг понял, что клетка закрыта изнутри.

— Объясни, — командует, останавливаясь в трёх шагах от меня. — Объясни нормально, без адвокатов и детективов. Зачем?

Молчу. Смотрю в глаза. В них — недоумение. Настоящее, не наигранное. Он правда не понимает.

— Ты спишь с другими, Артур. Не один год. Не с одной. С семьёю, минимум. Ты купил любовнице квартиру на наши деньги. Ты называешь меня базой. Ты не трахал меня нормально два года. Что именно тебе нужно объяснить?

— Я обеспечивал тебя! — кричит он. Голос срывается, становится визгливым, некрасивым. — Ты жила в роскоши! У тебя есть всё, что ты хотела!

— Кроме мужа, который меня уважает.

Он сжимает кулаки. Я вижу, как желваки ходят под кожей. Кажется, сейчас бросится. Но нет — Артур не бьёт женщин. Артур унижает. Это его оружие.

— Ты никто без меня, — шипит. — Ты поняла? Без моего кошелька ты — нищая, которая не сможет снять даже однушку в спальном районе.

— Возможно, — соглашаюсь. — Но зато я буду спать спокойно. Без запаха чужих духов на подушке.

Он смеётся. Страшно, громко, с надрывом.

— Ты думаешь, суд будет на твоей стороне? Я найму лучших адвокатов. Я обмажу твоё имя грязью. Расскажу, какая ты фригидная, как отказывала мне в сексе, как ты — та самая жена, которая не умеет держать мужчину.

Каждое слово — как пощёчина. Но я не чувствую. Потому что давно уже онемела. Фарфоровая кукла не чувствует боли — только трещины.

— Рассказывай, — пожимаю плечом. — Я тоже расскажу про видео на корпоративе. И про квартиру. И про семь любовниц. И про то, как ты называл меня базой. Посмотрим, кто кому обмажет имя.

Он делает шаг вперёд. Я не отступаю. Мы стоим в полуметре друг от друга — муж и жена, которые пару часов назад были семьёй, а теперь стали врагами.

— Ты пожалеешь, — шепчет. — Клянусь, Лена. Ты пожалеешь.

— Уже жалею. Но не о том, что подала. О том, что не сделала это раньше.

Разворачиваюсь. Беру чемоданы. Баки бежит за мной, натягивая поводок. Он тоже чувствует — пора уходить.

— Ты куда? — голос Артура теряет ярость. В нем появляется что-то другое. Растерянность? Страх? — Ты не можешь просто взять и уйти.

— Могу, — открываю дверь. — Квартира куплена до брака, она твоя. Я не претендую. Но остальное — мы поделим.

— Лена, — уже тише, почти жалобно. — Остановись. Давай поговорим.

Останавливаюсь. Поворачиваюсь.

Он стоит в прихожей, растерянный, без рубашки — успел расстегнуть верхние пуговицы. Шея красная, глаза влажные. Сейчас он похож не на бизнесмена, а на мальчика, у которого забрали игрушку.

— Мы могли бы всё исправить, — говорит. — Я бы мог... я бы прекратил. Если ты хочешь.

— Ты бы прекратил изменять, потому что я попросила? — усмехаюсь. — Артур, тебе не жалко, что ты делал это. Тебе жалко, что тебя поймали.

— Это неправда.

— Это правда, и ты знаешь.

Он молчит. Опускает голову. В этом молчании — всё. Поражение. Признание. Но не раскаяние.

— Я не вернусь, — говорю тихо. — Даже не пытайся. С адвокатами будешь общаться через Веру Николаевну. И да — я подала на развод по причине супружеской неверности. У меня достаточно доказательств, чтобы ты не вышел сухим из воды.

Выхожу в подъезд. Дверь закрывается за мной. Я слышу, как внутри что-то падает — грохот, звон стекла. Он опрокинул вазу. Или швырнул телефон. Или просто рухнул на колени.

Не важно.

Я нажимаю кнопку лифта. Смотрю на дверь квартиры, за которой осталось шесть лет жизни. Там — моя итальянская лепнина, мои хрустальные люстры, мое невыплаканное горе.

Там — он.

Лифт приезжает. Я захожу. Баки садится рядом, положив морду на мой чемодан.

— Прощай, Артур, — шепчу, когда двери закрываются.

На улице — прохладно. Вечер. Солнце садится за дома, оставляя полосы розового и фиолетового. Я выдыхаю. Впервые за двадцать один день — полноценно, глубоко, без контроля.

Плечи опускаются. Спина перестаёт быть струной.

Я сделала это.

Звонок от Алисы:

— Ты где?

— На улице. С чемоданами и собакой. Ты не могла бы меня забрать?

— Через десять минут буду. Ты как?

— Не знаю, — честно. — Кажется, я только что похоронила свой брак. И почему-то мне не больно.

— Потому что ты оплакивала его последние три недели.

Да. Алиса права. Я плакала внутри, пока улыбалась снаружи. Выплакала всё. До дна, до икоты, до пустых глазниц.

Осталась только сухая, твёрдая решимость.

Машина подруги останавливается рядом. Алиса выходит, обнимает меня. Молча. Долго. Пахнет от неё детским шампунем и хлебом — она пекла булочки, пока я разводилась.

— Поехали домой, — говорит, забирая чемоданы. — Я накормлю тебя, напою чаем. И мы составим план.

— План у меня уже есть, — улыбаюсь. — Забрать всё.

— Это не план. Это цель. План — как до неё дойти.

В машине я смотрю на телефон. Пропущенных нет. Артур не звонит. Он, наверное, все ещё стоит в прихожей, смотрит на закрытую дверь и не верит.

Через три дня мы встретимся в суде. Первый раз как враги.

Я готова.

Но почему тогда внутри так пусто?

Алиса ведет машину, болтает о своем, о ребенке, о работе. Я киваю, не слушая. В голове — не слова. В голове — кадры. Артур на Мальдивах, в первый день брака, смотрит на меня, берет за руку, говорит: «Я думал, что знаю счастье. Оказывается, нет».

Сейчас я знаю. Счастье — это не когда муж говорит красивые слова. Счастье — когда правда не может тебя убить.

— Лена, ты меня слышишь? — голос Алисы возвращает в реальность.

— Да. Что?

— Я говорю, не возвращайся к нему. Что бы он ни обещал, какие бы ковры под ноги ни стелил. Не возвращайся.

— Не вернусь, — обещаю.

Но знаю, что это обещание ещё проверят на прочность. Он не сдастся просто так. Артур привык побеждать.

Только в этот раз он играет не с удобной базой. Он играет с женщиной, у которой нет ничего, кроме правды.

А правда дороже любых денег.

—

Алисин дом — тёплый, пахнущий корицей и жизнью. Я сижу на кухне, пью чай из треснутой кружки, глажу Баки. Собака уже освоилась, лежит на новом коврике, посматривает на меня с укором.

«Ты обещала, что мы уйдём вместе, — говорит её взгляд. — Мы ушли. А теперь что?»

Теперь — война.

Открываю ноутбук. В почте — новое письмо от Веры Николаевны.

«Лена, первое заседание в четверг, 11:00. Приходите за час — обсудим стратегию. Артур уже нанял адвоката — Ивана Кравеца. Знаете такого?»

Кравец. Тот самый, который защищает олигархов и банкиров. Дорогой. Профессиональный. Беспринципный.

Артур не экономит на своей защите.

Я пишу ответ: «Знаю. Иван Кравец выигрывает 90% дел. Но я выиграю это».

Отправляю. Закрываю ноутбук.

Четверг. Через три дня.

А пока — я просто женщина в чужой квартире, с двумя чемоданами и собакой, которая не понимает, почему папа остался там, а мама здесь.

Я тоже не понимаю. Но знаю одно.

Фарфор разбит. И склеивать его никто не будет.

Глава 9. Первый раунд

Четверг. 9:47 утра.

Я сижу на скамейке перед зданием суда. Серый костюм — тот самый, в котором подписывала иск. Волосы затянуты в узел на затылке, как броня. Никакой косметики, кроме туши и тонального крема, который должен скрыть круги под глазами. Я не спала двое суток.

Не от страха. От предвкушения.

Алиса припарковалась у обочины, оставила меня одну. «Ты справишься, — сказала, сжимая мою ладонь. — Ты самая сильная сука из всех, кого я знаю».

Сука. Да, наверное. Сейчас это даже звучит как комплимент.

— Лена Сергеевна? — голос Веры Николаевны вырывает меня из мыслей. Она стоит у входа, в строгом чёрном платье и жакете с серебряной брошью. В руках — толстая папка, наша бомба замедленного действия. — Вы готовы?

— Готова, — встаю, поправляю юбку. — Он уже здесь?

— Адвокат сообщил, что подъедут через десять минут. Иван Кравец любит драматические выходы.

Заходим внутрь. Коридоры суда пахнут пылью, формалином и чужими судьбами. Люди сидят на деревянных скамьях — кто-то с надеждой, кто-то со страхом. Я теперь одна из них. Женщина, которая пришла отнимать у мужа половину.

Зал заседаний — небольшой, с высокими потолками и портретом президента на стене. Судьи ещё нет. Только секретарь раскладывает бумаги. Сажусь на скамью для истцов. Вера Николаевна — рядом. Достает диктофон, блокнот, ручку.

— Не смотрите на него, когда войдёт, — советует. — Смотрите на судью. Или в окно. Но не на него.

— Почему?

— Потому что он будет провоцировать. Эмоции — наш враг. Вы должны быть холодной, как лёд.

Лед. Я могу. Я три недели была льдом под тонкой коркой улыбки.

Дверь открывается в 10:02.

Артур входит первым. Темно-синий костюм, белая рубашка без галстука, горло открыто. Он выглядит так, будто вышел с обложки мужского журнала. Но глаза... глаза красные, воспалённые. Он не спал не меньше моего.

За ним — адвокат. Высокий, седой, с орлиным носом и цепким взглядом. Иван Кравец. Тот, кто выигрывает 90% дел.

Артур садится на скамью ответчиков. Напротив меня. Расстояние — три метра. Кажется, что три тысячи километров.

Он смотрит на меня. Тяжело, в упор, с ненавистью, которую не скрыть. Я отвожу взгляд. В окно. Там голубое небо и облако в форме разбитого сердца. Ирония.

Судья входит в 10:05. Женщина лет пятидесяти, полная, с добрым лицом и холодными глазами. Судья Ольга Викторовна. Фамилию запомнить не пытаюсь.

— Слушается дело по иску Лены Сергеевны Вишневецкой к Артуру Викторовичу Вишневецкому о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества, — читает секретарь. — Стороны подтверждают личность?

— Да, — отвечаю.

— Да, — голос Артура — хриплый, как после долгого крика. Может, он и правда кричал. В пустоту. В одиночестве.

Судья открывает дело. Листает бумаги. Её лицо не меняется, но я замечаю, как она чуть дольше задерживается на наших доказательствах — фото, выписки, аудиозаписи.

— Сторона истца, ваша позиция?

Вера Николаевна поднимается. Голос — ровный, как струна.

— Брак между Леной Сергеевной и Артуром Викторовичем фактически распался. Причиной является систематическая супружеская неверность ответчика, подтвержденная материалами дела. Истица не видит возможности для сохранения семьи. Она просит расторгнуть брак, взыскать с ответчика половину совместно нажитого имущества, а также компенсацию морального вреда в размере... — называет сумму.

У меня перехватывает дыхание. Даже я не знала, что Вера Николаевна запросит столько.

— Сторона ответчика? — судья смотрит на Ивана Кравца.

Кравец встаёт. Поправляет запонки. Дорогие, золотые. Подарок Артура? Наверное.

— Ответчик иск не признает, — голос у него бархатный, скользкий, как масло. — Супружеская неверность не доказана. Предоставленные материалы — монтаж и подделка. Кроме того, имущество, которое требует истица, было нажито не в браке, а за счёт личных средств ответчика и его бизнеса, созданного до брака. Мы будем ходатайствовать о проведении независимой экспертизы документов и отказе в иске.

Монтаж и подделка. Конечно. Я ждала этого. Гнилой приём, но работающий. У судьи нет технического образования, она поверит экспертам.

Но у меня есть не только фото.

— Ваше честь, — Вера Николаевна снова встаёт. — Мы предоставили не только фото- и видеоматериалы, но и аудиозапись, где ответчик признается в неверности и в том, что скрывает доходы. Оригиналы доступны для экспертизы.

— Это провокация, — вскидывается Артур. Срывается с места, забыв, что адвокат должен говорить за него. — Она специально... она все это подстроила, чтобы украсть мои деньги!

— Ответчик, соблюдайте порядок! — судья поднимает молоток. Стучит один раз. Гулко, как удар сердца. — Слово предоставлено адвокату.

Артур садится. Красный как рак. Смотрит на меня. Если бы взглядом можно было убить, я была бы уже в морге.

— Ваше честь, — Кравец невозмутим, как скала. — Мой подзащитный эмоционален, поскольку речь идёт о его семье. Мы настаиваем на досудебном урегулировании. Ответчик готов предложить истце отступные — сумму в размере... — называет цифру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.